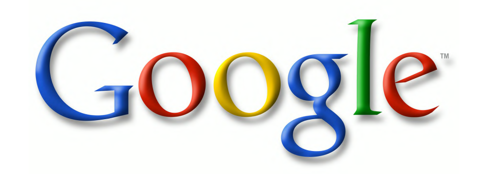

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Сергѣй Мамонтовъ.

СМЕРТЬ ПУШКИНА

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1899

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 31 марта 1899 г

I.

ЛИЦА:

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Наталья Николаевна, его жена.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Загряжская, старая фрейлина.

Лакей.

Дѣйствіе въ концѣ января 1837 г. въ Петербургѣ, въ квартирѣ Пушкиныхъ, на Мойкѣ.

I.

Кабинетъ въ квартирѣ Пушкиныхъ. Вечеръ. Книжные шкафы. А. С. Пушкинъ сидитъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, передъ нимъ горятъ четыре свѣчи подъ зеленымъ колпакомъ. Онъ нервно грызетъ перо и ерошитъ кудри.

Пушкинъ (перечитываетъ написанное).

«...Никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья,
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье, вотъ права...»

(Впадаетъ въ задумчивость, затѣмъ говоритъ)

Не въ силахъ я писать, какой-то пеленою
Окутанъ разумъ мой. Дѣла
Житейскія и люди клеветою
Меня осилили... и Муза отошла...
Хочу, какъ прежде, я мечтой летучей
Во храмъ проникнуть вѣчной красоты,
Подслушать тайны дивныя созвучій,
Съ восторгомъ обонять Парнасскіе цвѣты...

А тутъ, какъ разъ, предъявятъ вексель срочный,
Иль гнусность новую сплететъ досужій свѣтъ,—
Въ единый мигъ изъ области заочной
Въ болото смрадное слетитъ поэтъ...

(Пауза. Стукъ въ дверь.)

Войди...

Лакей (входитъ съ письмомъ).

Письмо принесъ нарочный.

Пушкинъ (беретъ письмо; лакей уходитъ).

Съ Кавказа... почеркъ Льва... Нетрудно угадать,—
Опять за проигрышъ расплата!..

(Пробѣгаетъ письмо)

Я такъ и зналъ: «пришли мнѣ тысячъ пять»...
Бѣда имѣть такого брата!...
Считаетъ онъ, что я какой-то Крезъ
И денегъ проситъ безъ стѣсненья.
Откуда мнѣ ихъ взять? Мнѣ безъ того зарѣзъ...
А отказать мѣшаетъ сожалѣнье.
Не знаю, право, какъ мнѣ быть?!

(Пауза.)

Мой бѣдный Лелька, вѣтренъ ты и грѣшенъ,
Но все жъ не мнѣ тебя судить,—
Въ безпутныхъ шалостяхъ и я бывалъ замѣшанъ
И къ слабостямъ твоимъ обязанъ снисходить.

(Ходитъ по кабинету.)

Нѣтъ, надо мнѣ бѣжать изъ пагубной столицы,
Покинуть скучный свѣтъ и празднествъ вереницы!

Какъ рабъ измученный, стремлюся я на волю,
Туда, къ роднымъ полямъ, искать иную долю...
Работая въ тиши съ спокойною душою,
И близкимъ, и себѣ я счастье тамъ устрою.

(Останавливается у окна)

Теперь тамъ хорошо!... Сквозь дымку мѣсяцъ свѣтитъ,
Горячее чело морозный воздухъ встрѣтитъ;
Тамъ на вѣтвяхъ деревъ горитъ алмазный иней
И вѣетъ волею сводъ неба темносиній.

(Садится задумчиво къ столу. Входитъ Жуковскій.)

Жуковскій.

Сверчокъ, одинъ ты? Здравствуй, милый!

(Цѣлуетъ Пушкина)

Ого, въ рукахъ перо, морщины на челѣ!
Опять сатирою бичуешь свѣтъ постылый
И тайныхъ недруговъ, ютящихся во мглѣ?...

Пушкинъ.

Не до писанья мнѣ!... Предчувствіе невзгоды
Я въ сердцѣ скорбномъ затаилъ.
Ты помнишь ли, въ былые годы,
Я стансы какъ-то сочинилъ:

«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ли въ многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости,
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время—тлѣть, тебѣ—цвѣсти.
День каждый, каждую годину,
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все жъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Въ тѣ дни, стихи свои слагая,
По совѣсти, я самъ не очень вѣрилъ имъ...
Теперь же только въ нихъ душа моя больная
Находитъ отзвуки томленіямъ своимъ.

Жуковскій (послѣ раздумья).

Дружокъ, ты слишкомъ суевѣренъ,
Унынье не къ лицу тебѣ.
Покорнымъ надо быть судьбѣ,
Но главное—призванію будь вѣренъ

И больше вѣрь себѣ.
Когда бы смертный зналъ грядущія печали,
И ждалъ бы ихъ, какъ узникъ казни ждетъ,
Мы бодрость бы навѣки потеряли,
Всѣ малодушно бы бѣжали отъ работъ
И въ мірѣ не было бъ великаго искусства,
Не знали бъ мы безсмертныхъ образцовъ,
Будящихъ сладостныя чувства
Въ груди усталой жизненныхъ борцовъ.

(Пушкинъ сидитъ, понурясь и не слушая. Жуковскій говоритъ въ сторону)

Мораль не ко двору... (Пушкину) Ахъ, вотъ
припомнилъ кстати:
Письмо я получилъ и въ немъ къ тебѣ пакетъ,
Не знаю отъ кого, бумага безъ печати...

(Достаетъ изъ кармана конвертъ и подаетъ Пушкину. Тотъ блѣднѣетъ, хватаетъ пакетъ и вскакиваетъ).

Голубчикъ, что съ тобой? Въ лицѣ кровинки нѣтъ!
Взволнованъ ты?

Пушкинъ (вскрикиваетъ).

Полна терпѣнья чаша!!...

(Ожесточенно рветъ письмо и продолжаетъ въ сильномъ гнѣвѣ)

Посланье гнусное мнѣ шлютъ въ четвертый разъ...
Мерзавцы, гады!... Подлость ваша
Вамъ даромъ не пройдетъ! Настанетъ часъ...

Жуковскій (испуганно).

Въ чемъ дѣло, другъ мой? Саша, Саша!

Пушкинъ (схватившись за голову, ходитъ по комнатѣ и старается овладѣть собою).

О, Господи!... За что караешь насъ?
Моя Наташа—воплощенье
Добра, любви и красоты.
Ее пославъ мнѣ, Провидѣнье
Мои превысило мечты.
Я счастливъ былъ... Но свѣтъ не можетъ
Блаженства ближнихъ перенесть:
Его немолчно зависть гложетъ,
Имъ колетъ глазъ чужая честь!...
Мелки и гнусны ихъ нападки
И возмутительны дѣла:
Боясь брошенной перчатки,
Они со мной играютъ въ прятки
И подло бьютъ изъ-за угла.
Подметныхъ писемъ, слуховъ грязныхъ
У нихъ запасы для меня,
Къ женѣ жъ они шутовъ развязныхъ
Пускаютъ... Шпорами звеня,
Съ усмѣшкой, эти идіоты
Повсюду смѣютъ ей шептать
Украдкой сальныя остроты,
Позоря въ ней жену и мать!..
Вся кровь во мнѣ огнемъ ревнивымъ
Горитъ, и, разумъ одолѣвъ,

Ужъ скоро грянетъ адскимъ взрывомъ,
Въ отвѣтъ нападкамъ, дикій гнѣвъ!..

(Пушкинъ бросается на диванъ. Жуковскій пораженъ. Пауза. Въ прихожей звонокъ. Пушкинъ вскакиваетъ и садится за столъ. Входятъ Загряжская и Наталья Николаевна.)

Загряжская.

Все сочиняетъ...

(Пушкинъ цѣлуетъ ей руку.)

Это что жъ, мой милый?
Должно быть пасквили опять?
Довольно, батюшка, помилуй,
А то тебѣ не сдобровать!
Василь Андреичъ, хоть бы ты то,
Какъ старый другъ, его уговорилъ,—
И такъ сановники ужъ на него сердиты,
Опять бы онъ отъ насъ куда не угодилъ...
Жену бы пожалѣлъ...

Жуковскій (Загряжской).

Оставьте, онъ разстроенъ...
Какъ вамъ понравился сегодняшній балетъ?

Загряжская.

Скажите, нѣжности какія! Будь покоенъ,—
Возиться съ нимъ, ей-ей, охоты нѣтъ..
Идемъ пить чай!

(Загряжская и Жуковскій уходятъ. Наталья Николаевна, стоявшая молча въ глубинѣ, бросается къ мужу.)

Наталья Николаевна.

Голубчикъ Саша, я убита,
Меня Геккеренъ оскорбилъ!
О, Пушкинъ, ты одинъ моя защита!..
Гоненья болѣе сносить нѣтъ силъ...

Пушкинъ (въ сторону).

Часъ отъ часу не легче... (ей) Будь покойна,
Мой ангелъ. Вѣрь, сумѣю я
Раздѣлаться съ ватагой недостойной,—
Порукой въ томъ любовь моя.

(Цѣлуетъ ее въ голову)

Какъ было дѣло?

Наталья Николаевна.

Нынче изъ балета
Я вышла и ждала въ сѣняхъ,—
Моя замѣшкалась карета.
Вокругъ меня, на ступеняхъ,
Нарядная толпа тѣснилась въ ожиданіи;
Въ толпѣ стоялъ старикъ-баронъ.
Онъ мнѣ, съ улыбкою отвѣсивши поклонъ,
Сказалъ, нарушивъ общее молчанье:
«Rendez moi mon fils!
Il est à vous»... При этомъ
Въ толпѣ смѣшки украдкой раздались,
А онъ въ меня уставился лорнетомъ...
Я на глазахъ у всѣхъ сгорѣла со стыда

И бросилась, едва сдержавъ рыданья,
Къ тебѣ сюда...

(Обнимая мужа)

Голубчикъ мой, пойми мои страданья!
Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй
Въ деревню, въ уголокъ укромный,
Подальше отъ столицы вѣроломной,
Подальше отъ завистливыхъ людей!...
Тамъ счастье, тамъ покой...

Пушкинъ (съ напускнымъ спокойствіемъ).

Нѣтъ, женка дорогая,
Ты попусту разстроила себя.
Все это пустяки! Иди, за чашкой чая
Въ столовой гости ждутъ тебя.
Будь умницей (Цѣлуетъ ее), утри скорѣе слезы,
Вотъ такъ...

(Вытираетъ ей слезы и провожаетъ до двери, которую за нею затворяетъ.)

Насталъ возмездья день!..
Меня ужъ не смутятъ ни просьбы, ни угрозы,
За ними я вездѣ пойду, какъ смерти тѣнь!...

(Подходитъ къ авансценѣ)

Обиду до конца извѣдавъ,
Теперь я въ жилахъ чую вновь
Наслѣдство африканскихъ дѣдовъ,—
Отелло бѣшеную кровь!...

Посланье мнѣ нашепчетъ злоба,
Чтобъ сняли маски наконецъ,
Хотя бы передъ крышкой гроба,
И сынъ и низостный отецъ...

(Садится за столъ и нервно пишетъ.)

Занавѣсъ.

II.

ЛИЦА:

А. С. Пушкинъ.

Данзасъ Константинъ Карловичъ, подполковникъ, секундантъ Пушкина.

Баронъ Дантесъ-Геккеренъ, офицеръ.

Виконтъ Д'Аршіакъ, его секундантъ.

Семенычъ, плотникъ, благообразный старый мужикъ.

Петька, плотникъ, простоватый парень.

Дѣйствіе 27 января 1837 г. близъ Комендантской дачи въ окрестностяхъ Петербурга.

II.

Дорога, ведущая къ Комендантской дачѣ. Снѣгъ и морозъ. Кругомъ кусты. Къ краю дороги подходитъ изгородь изъ жердей, которую исправляютъ плотники.

Семенычъ (методично налаживая жердь, продолжаетъ ранѣе начатый разговоръ).

Съ Матреною Илья вступилъ въ законный бракъ
И зажили они...

Петька (прерывая).

Смотри-ка, ѣдутъ сани...
Слѣзаютъ господа... Сюда идутъ, никакъ!...

(Вслушиваясь въ приближающіеся голоса)

Чудно лопочатъ,—видно, басурмане.

(Входятъ д'Аршіакъ съ ящикомъ подъ мышкой, за нимъ Дантесъ; мужики снимаютъ шапки.)

Д'Аршіакъ.

C'est là! Et votre sang froid?..

Дантесъ.

Je suis, mon cher, tout à mon aise
Et même je «ſens», qu'il ſait «froid».
Ne vous déplaise!...

Д'Аршіакъ.

Toujour, partout la même manière!
Beau calambour! Bravo, baron!...

Дантесъ (указывая на мужиковъ).

Mais ces manats gâteront l'affaire...

Д'Аршіакъ.

Allons chercher ailleurs!...

Дантесъ.

Filons!...

(Уходятъ. Мужики смотрятъ имъ вслѣдъ.)

Петька.

Шагаютъ по снѣгу... Куда ихъ Богъ несетъ?

(Быстро входятъ Данзасъ и Пушкинъ; у Данзаса пистолеты.)

Данзасъ.

Иди сюда. Здѣсь мѣсто вашей встрѣчи.

(мужикамъ)

Эй, малый, не видалъ господъ?

Семенычъ.

Видали, баринъ, недалече
Они ушли...

Данзасъ.

Ага, я вижу ихъ!
Ты, Пушкинъ, подожди немного,—
За ними я пойду. Вонъ въ тѣхъ кустахъ густыхъ
Удобно будетъ вамъ, а здѣсь близка дорога.

(Данзасъ уходитъ.)

Пушкинъ (смотритъ по направленію, куда ушелъ Дантесъ).

Одинъ его развязный видъ
И наглой выскочки ухватки
Подняли желчь въ груди. Кипитъ
Вся кровь во мнѣ отъ злобной лихорадки.

(Пушкинъ начинаетъ ходитъ взадъ и впередъ, затѣмъ постепенно вслушивается въ слова Семеныча.)

Семенычъ (возобновляетъ разсказъ).

Такъ вотъ, жена Ильѣ-то, братецъ мой,
Ужъ больно крѣпко полюбилась.
Ходилъ за нею онъ совсѣмъ шальной.
Отсюда и бѣда случилась.
Вернулся какъ-то къ намъ изъ Питера ямщикъ,
Ванюхою Залетнымъ прозывался.
Къ словамъ занозистымъ онъ въ городѣ привыкъ
И бабамъ нашимъ умникомъ казался.

Онѣ къ нему всѣ стали льнуть,
Ни дать, ни взять, какъ къ меду мухи;
Да ласки отъ него не видѣли ничуть:
Была потайная зазноба у Ванюхи...
Къ Матренѣ онъ, бѣсовскій сынъ,
Къ Ильюшкиной женѣ, вишь, началъ подлещаться:
На рѣчкѣ ли она, али пойдетъ въ овинъ,
А онъ за нею... и давай шептаться...
Она зоветъ Илью, да Ванька самъ рѣчистъ:
Всю руготню сведетъ на шутки,
Съ Ильей затѣетъ прибаутки...
Ну, словомъ, къ нимъ присталъ, какъ банный листъ.

Петька.

Они то что жъ?

Семенычъ.

Илья зачахъ съ печали,
Терпѣлъ, терпѣлъ... да, какъ-то разъ,
Свои-же мужики его съ ножомъ поймали
Въ Ванюхиныхъ сѣняхъ.

Петька.

Ну, что жъ, въ острогъ сейчасъ?

Семенычъ.

Куда тамъ! Старики собрались въ сходку,
Къ присягѣ привели молодку,—
Твердитъ одно: молъ, невиновна я...

Галдѣли долго, пили водку,
А послѣ сжалились: отдѣлался Илья.

Петька.

Ишь ты, ведро, знать, имъ поставилъ?

Семенычъ.

Нѣтъ! Праведно судили старики!
За то Илью потомъ Господь на умъ направилъ:
Поститься сталъ мужикъ, билетъ въ конторѣ справилъ
И, по веснѣ, ушелъ спасаться въ Соловки.
Вотъ такъ-то, другъ...

Пушкинъ (про себя).

Что это, шутка злая?
Смѣется надо мной коварный рокъ?
Или Десница Всеблагая
Мнѣ шлетъ спасительный урокъ?
(Семенычу)
Послушай, дядя, что жъ потомъ молодка
Безъ мужа дѣлала у васъ?

Семенычъ (снимая шапку).

Простите, баринъ, глупый мой разсказъ.
Вамъ про Матрену знать угодно?—Честно, кротко
Простилася съ Ильей, икону принесла
Владычицы Пречистой. Долго выла,
До города супруга проводила...
Ну, а потомъ, по божески жила.

Пушкинъ (отходитъ отъ мужиковъ).

«По божески жила»... Какая бездна смысла
Глубокаго и чистаго. Какая простота!..
Вотъ, также надо мной теперь гроза нависла,
Но мы — не имъ чета!..
Не смѣемъ мы заплакать съ чувствомъ дѣтскимъ...
Не хватитъ мужества у насъ врага простить,—
Съ улыбкой на лицѣ, въ угоду сплетнямъ свѣтскимъ,
По правиламъ, мы кровь обязаны пролить.
Народъ стократно правъ: души своей порывы
Внутри себя не прячетъ онъ;
Онъ воетъ, онъ галдитъ и чуткіе отзывы
Встрѣчаетъ у людей со всѣхъ сторонъ.
(Задумчиво послѣ паузы)
Тогда лишь свѣтъ достигнетъ жизни безмятежной,
Когда дойдетъ до этой простоты...
Мнѣ не видать ее; развязки неизбѣжной
Добился я, средь свѣтской суеты...
Въ душѣ моей темно; угасла злоба,
Ее смѣнила тихая печаль,
И, стоя на порогѣ гроба,
Мнѣ только русскаго народа жаль...

Данзасъ (входитъ).

Идемъ, мой другъ, на мѣстѣ все готово.
Спокоенъ будь и вѣрь звѣздѣ своей!

Пушкинъ.

Мнѣ все равно, не вымолвлю ни слова,
Лишь только бъ кончить поскорѣй...
(Оба медленно уходятъ.)

Петька (смотритъ вслѣдъ).

Куда они полѣзли по сугробамъ?

Семенычъ.

Поди, спроси! Вѣстимо, господа
На положеніи особомъ:
Гдѣ нравится, вольны гулять всегда.

Петька (внимательно смотря въ сторону ушедшихъ).

Семенычъ, глянь-ка, скинули шинели!
Военный имъ пистоли далъ...
(Слышенъ выстрѣлъ.)
Палятъ!.. Охъ, нашего задѣли,
Что туточки стоялъ... Сердечный, въ снѣгъ упалъ!..
Да нешто можно такъ стрѣлять въ людей, ей Богу!..
Смотри, нашъ справился... (Выстрѣлъ.) Пальнулъ!..
Свернулся басурманъ... Пойти, что ль, на подмогу,
Аль гаркнуть караулъ?..

Семенычъ (растерянно).

Помалкивай себѣ, а то пойдешь къ отвѣту.
Не суйся въ барскія дѣла!..
О, Господи, грѣхамъ-то счету нѣту!..
Владычица, избави насъ отъ зла!..

Петька.

Подняли нашего, чуть живъ, сердешный...
Весь бѣлый, что платокъ... Хотятъ сюда тащить...

Семенычъ.

А я итти боялся, многогрѣшный.
Ну, Петръ, бѣжимъ имъ пособить!..

(Убѣгаютъ. Сцена пуста. Затѣмъ Данзасъ, д'Аршіакъ и оба мужика вносятъ раненаго Пушкина. Раненый Дантесъ за ними слѣдуетъ.)

Данзасъ (указываетъ мѣсто у изгороди).

Сюда, сюда!.. Вотъ такъ... Довольно.
Сажайте бережно его.

(Пушкина сажаютъ на армякъ у изгороди.)

Семенычъ (Пушкину).

Ну, что, родимый, очень больно?

Данзасъ.

Гдѣ жъ лошади?

Д'Аршіакъ (Дантесу).

Baron, allons chercher les chevaux!..

(Дантесъ и оба секунданта уходятъ).

Пушкинъ (имъ вслѣдъ).

Женѣ... Наташѣ ничего не говорите,
Чтобъ не пугалася она...

(мужикамъ)

Вы, братцы, лучше не смотрите:
Вамъ наша драма кажется смѣшна...

Семенычъ (убѣжденно).

Молися Богу, баринъ милый,—
Безъ покаянья тяжко помирать.
На исповѣдь тебѣ Господь дастъ силы,
Неистощима Божья благодать.

Пушкинъ.

Молиться мнѣ... Твои слова простыя
Даютъ мнѣ мужество сносить недугъ...
(Оживляясь)
Я вспомнилъ вновь слова молитвъ святыя!..
Я вѣрю имъ опять, какъ въ дни былые...
Ты очи мнѣ открылъ,—спасибо, другъ!
Надежда сердце мнѣ согрѣла,
Узрѣлъ я бренность жизненныхъ суетъ...
Я вижу въ небесахъ манящій тихій свѣтъ
И предъ Творцомъ на судъ предстану смѣло...

(Пушкинъ впадаетъ въ забытье. Мужики молчатъ.)

Занавѣсъ.

III.

ЛИЦА.

А. С. Пушкинъ.

Наталья Николаевна.

Жуковскій.

Данзасъ.

Князь Вяземскій.

Докторъ Арендтъ.

Загряжская.

Поручикъ Лермонтовъ.

Близкіе и друзья Пушкина.

Дѣйствіе 29 января 1837 г. въ кабинетѣ Пушкина.

III.

Декорація первой сцены. Утро. Окно завѣшано, диванъ заставленъ ширмами. Въ комнатѣ безпорядокъ и разныя медицинскія принадлежности. Жуковскій, Данзасъ, князь Вяземскій и Загряжская разговариваютъ вполголоса на авансценѣ.

Загряжская.

Допрыгался!.. ему не разъ мы говорили...
Теперь пускай пеняетъ на себя...

Жуковскій.

Какъ вамъ не стыдно? Онъ почти въ могилѣ...

Данзасъ (Загряжской).

Идите, вамъ здѣсь быть нельзя!..

(Загряжская уходитъ.)

Всю ночь страдалъ, не проронивъ ни звука:
Боялся напугать жену;
Къ утру немного стихла мука
И уступила мѣсто сну.

Кн. Вяземскій.

Въ душѣ его, сомнѣньями томимой,
Свершился дивный переломъ,—

Онъ, прежній церкви врагъ непримиримый,
Предвидя смерть, покаялся во всемъ,
Причастіе принялъ и съ чувствомъ жаркимъ
Молитвы возносилъ Творцу...

Жуковскій.

Жестокъ ударъ... За-то сказалось взрывомъ яркимъ
Любовь народа къ своему пѣвцу!..

Кн. Вяземскій.

Столицы горе съ наводненьемъ сходно:
Всю улицу заполонилъ народъ.

Жуковскій.

Мнѣ сей подъемъ печали всенародной
Двѣнадцатый напомнилъ годъ...

(Входитъ докторъ Арендтъ.)

Данзасъ.

Тсс... тише, докторъ, онъ заснулъ...

Кн. Вяземскій.

Ужъ близко
Его конецъ...

Арендтъ.

Его ободрю я...
Вотъ Высочайшая записка.
Самъ Государь...

Пушкинъ (за ширмами).

Проснулся я, друзья...

(Данзасъ отодвигаетъ ширмы. Пушкинъ, въ бѣлой рубашкѣ, подъ одѣяломъ, лежитъ на диванѣ.)

Пушкинъ (слабымъ голосомъ).

Жуковскій!..

(Жуковскій приближается, остальные отходятъ къ окну.)

Душу мнѣ жестоко мучитъ
Кощунственныхъ стиховъ тяжелый грѣхъ...
Тайкомъ ихъ, въ школѣ, каждый мальчикъ учитъ
И, безъ стыда, цитируетъ при всѣхъ...
Теперь поднять готовъ я вѣчности завѣсу
И стараго грѣха мучительный кошмаръ
Меня гнететъ, какъ юнаго повѣсу
Похмелья тягостный угаръ,
Я зло посѣялъ...

Жуковскій.

Полно, Саша!..
Ошибки юности забыть пора;
Благословитъ тебя во вѣкъ отчизна наша
За сѣвъ великій мысли и добра...

Пушкинъ (мечется).

Тоска меня томитъ! Не вѣрю въ утѣшенья...

Арендтъ (подходя).

Напрасно! Передамъ вамъ нѣчто я
Такое, что, въ одно мгновенье,
Ободритъ васъ: записку отъ Царя...

(Всѣ встаютъ. Пушкинъ встрепенулся.)

Пушкинъ.

О, Господи!.. повѣрить я не смѣю...
Ужели Царь простилъ? Давайте мнѣ скорѣе...

(Дрожащими руками беретъ у Арендта записку и медленно и внятно прочитываетъ)

«Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ, если не суждено намъ видѣться на этомъ свѣтѣ, прими мой послѣднiй совѣтъ: старайся умереть христiаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся, я беру ихъ на свое попеченiе».

(Говоритъ съ глубокимъ чувствомъ)

Языкъ мой немощенъ и мысль убога
Предъ силой чувства моего...
Скажите вы Царю, что, если бъ, волей Бога,
Продлилась жизнь моя, хотя немного,—
Я былъ бы весь его!..
Желаю я ему спокойной, долгой властью
Къ величью привести народъ...
Пусть въ сынѣ онъ увидитъ счастье
И утѣшенiе въ своей Руси найдетъ...

(Про себя)

Припоминаю: тамъ... въ сугробѣ, у ограды...
Совѣтъ такой же въ сердце мнѣ проникъ...

Словами вѣры и отрады
Со мною говорилъ старикъ...
Царя и мужика къ одной и той же цѣли
Привелъ исконный русскій духъ:
Очистить совѣсть оба мнѣ хотѣли,
Пока въ груди моей лучъ жизни не потухъ...
И я совѣтамъ внялъ... Вселившись въ жизнь иную,
Молиться буду у Господня алтаря
За праведный народъ, за Русь родную
И за великаго Царя...

(Продолжаетъ беззвучно шептать.)

Кн. Вяземскій (тихо).

Смотрите на него. Такого выраженья
Я раньше въ немъ не видѣлъ никогда...

Жуковскій (такъ же).

Алмазомъ блещетъ, послѣ очищенья,
Потока бурнаго вода...

Арендтъ (такъ же).

Въ кампаніяхъ, видалъ я раненыхъ немало,
Сраженныхъ пулею, картечью и штыкомъ,
Но мужества такого не бывало
Нигдѣ на полѣ боевомъ...

Пушкинъ.

А гдѣ жена?.. хочу ее я видѣть...

(Наталья Николаевна, стоявшая въ дверяхъ, бросается на колѣни у его изголовья.)

Бѣдняжка!.. свѣтъ теперь тебя заѣстъ
Безвинную... Но ты неси свой крестъ...
Великій Государь не дастъ тебя обидѣть.

Наталья Николаевна (порывисто).

Нѣтъ, Пушкинъ не умретъ!..
Голубчикъ Саша, я не вѣрю...

Пушкинъ (слабѣющимъ голосомъ).

Три года ты оплакивай потерю...
Потомъ, какъ рана сердца заживетъ,
Найди себѣ избранника другого...
Ты молода... Вся жизнь начнется снова...
Богъ дастъ тебѣ спокойствія и силъ...

(Жена рыдаетъ у его изголовья. Пушкинъ начинаетъ терять сознаніе.)

Слабѣю я... мутится разумъ...
Въ туманѣ сѣромъ я тону...

(Беретъ руку Жуковскаго)

Дай руку мнѣ... ну, дружно... разомъ
Поднимемся отсюда въ вышину!..

Арендтъ (вполголоса).

Онъ бредитъ...

Пушкинъ (приходя въ себя).

Да, меня смутила греза:
Какъ будто бы къ лазурнымъ небесамъ
Я восходилъ... внизу осталась проза...
Поэзія и счастье было тамъ...

Жизнь кончена!.. я слышу звуки рая...
Данзасъ... ты за меня не мсти!..
Прощайте всѣ... Наташа дорогая...
Прости... прости...

(Тихо умираетъ.)

Арендтъ (послѣ долгаго молчанія, кладетъ руку на грудь умершаго).

Все кончено...

Наталья Николаевна (порывисто).

Ахъ, нѣтъ!.. Дремота наступила...

(Обращаясь къ мертвому).

Откликнись, Пушкинъ!.. Я жена твоя...
Не слышитъ... Господи!.. Навѣкъ мнѣ жизнь постыла:
Всѣ будутъ говорить, что я его сгубила...
Но видитъ Богъ, что невиновна я!..

(Съ воплемъ склоняется надъ трупомъ. Всѣ въ глубокомъ горѣ; многіе плачутъ).

Жуковскій.

Въ иную жизнь теперь вступилъ онъ,
Онъ слышитъ ангеловъ привѣтъ...
Не надо восклицать съ тоской: его ужъ нѣтъ!—
А съ благодарностію: былъ онъ...

(Голосъ Жуковскаго срывается, и онъ съ рыданіемъ опускается въ кресло. Комната между тѣмъ постепенно наполняется разными лицами, между которыми входитъ поручикъ Лермонтовъ. Онъ мрачно смотритъ на тѣло Пушкина и, выйдя впередъ, говоритъ съ гнѣвомъ про себя.)

Лермонтовъ.

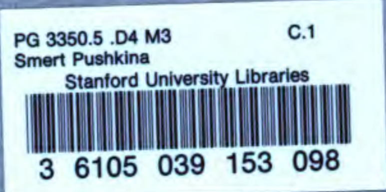
Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Свѣтъ рукоплещетъ палачу...
Но я стихомъ желѣзнымъ мести
За смерть страдальца отплачу!..

Занавѣсъ.

Конецъ.

Москва. Февраль 1899 г

PG 3350.5 .D4 M3 C.1
Smert Pushkina
Stanford University Libraries
3 6105 039 153 098

DATE DUE

